

ВСТУПЛЕНИЕ

Около четырех или пяти лет назад по настоянию ближайших соратников я согласился написать автобиографию. Я принял-ся за дело, но мне едва удалось перевернуть первую страницу, как в Бомбее вспыхнули беспорядки, и работу пришлось приостановить. Затем последовала череда событий, кульминацией которых стало мое пребывание в Йервадской тюрьме. Джерам-дас, товарищ по заключению, уговаривал меня отложить все дела и завершить автобиографию. Я отвечал, что уже наметил себе план действий и не могу думать ни о чем другом, пока не выполню его. Полагаю, что я дописал бы автобиографию, если бы отбыл полный срок в Йерваде, но мне еще оставалось около года до его окончания, когда меня освободили. Теперь Свами Ананд повторил предложение, и поскольку я уже закончил работать над историей сатьяграхи* в Южной Африке, то решил взяться за автобиографию для «Навадживана». Свами хотел, чтобы я опубликовал автобиографию отдельной книгой, но у меня не было свободного времени. Я мог писать только по одной главе в неделю. А ведь мне так или иначе приходилось еженедельно публиковать что-то в «Навадживане». Почему бы не фрагменты автобиографии? Свами согласился со мной, и вот я взялся за тяжкий труд.

Тем временем у одного из моих богобоязненных друзей возникли сомнения, которыми он поделился со мной в мой «день молчания»**.

* С а т ь я г р а х а — разработанный самим Ганди метод ненасильственной борьбы за независимость Индии. Опирается на несотрудничество и гражданское неповиновение. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

** « Д е н ь м о л ч а н и я » — особая практика медитации в индуизме и буддизме. В «день молчания» контакты с окружающим миром сводятся к минимуму и человек полностью погружается в размышления.

— Что заставило тебя пуститься в эту авантюру? — спросил он. — Автобиография — обычай западного толка. Я не знаю никого на Востоке, кто написал бы подобную работу, за исключением людей, попавших под влияние Запада. Да и что ты напишешь? Предположи только, что завтра ты отвергнешь идеи, которые считаешь принципиальными сегодня, или в будущем пересмотришь планы, намеченные в день нынешний. Разве не рискуют впасть в ошибку те люди, которые последуют за твоим авторитетным словом — устным или письменным? Не лучше ли будет отказаться от этой затеи? По крайней мере сейчас.

Его аргументы показались мне в чем-то справедливыми. Но моей целью не было написание автобиографии как таковой. Я просто стремился рассказать историю собственных многочисленных экспериментов с истиной, а поскольку моя жизнь целиком состоит из них, то такая история неизбежно примет форму автобиографии. Я отнюдь не против, если каждая страница будет повествовать исключительно о моих экспериментах. Я верю, или по меньшей мере я льщу себя надеждой, что связный отчет о них окажется полезным для читателя. Мои опыты в сфере политики теперь известны не только в Индии, но до некоторой степени и в так называемом «цивилизованном» мире. Лично для меня они не представляют особой ценности, а титул «махатма»*, который они мне дали, стало быть, я ценю еще меньше. Зачастую титул приносил мне глубокие огорчения, и я не помню ни одного мгновения, когда мог бы сказать, что он тешил мое тщеславие. Но я, безусловно, желал бы рассказать о собственных духовных экспериментах, известных пока лишь мне одному. В них я нашел силы для своей политической деятельности. Если мои эксперименты действительно носят духовный характер, то они не станут источником гордыни. Напротив, они — источник моей скромности. Чем больше я раздумываю и оглядываюсь в прошлое, тем живее ощущаю собственные недостатки и ограниченность.

* Ма х а т м а (санскр. «Великая душа») — титул, который присвоил Ганди и популяризировал писатель, поэт и общественный деятель Рабиндранат Тагор. Подлинное имя автора — Мохандас Карамчанд Ганди.

В течение тридцати лет я желал лишь одного — самореализации, встречи лицом к лицу с Богом, обретения мокши*. Я живу, двигаюсь, существую ради этого. Любое мое выступление, устное или письменное, моя политическая деятельность — все это направлено к тому же результату. И поскольку я всегда верил, что доступное одному — доступно всем, мои опыты проводились не келейно, а совершенно открыто, и, мне кажется, этот факт не умаляет их духовную ценность. Есть нечто, известное только самому человеку и его Создателю. Понятно, что это должно оставаться в тайне. Эксперименты, о которых я намерен рассказать, совсем другого рода. Они из духовной или даже скорее моральной сферы, потому что сущность религии заключена в морали.

Только те религиозные аспекты, которые могут быть в одинаковой степени поняты и детьми, и людьми зрелого возраста, будут включены в это повествование.

Если я смогу бесстрастно и смиренно рассказать о них, многие другие искатели получают силы продолжать свои поиски. Причем я вовсе не считаю, что достиг совершенства. Мои притязания не идут дальше притязаний ученого, который, несмотря на аккуратную и обдуманную работу, никогда не заявляет, что его выводы неопровержимы и непогрешимы, но сохраняет трезвый взгляд на них. Я пристально наблюдал за собой, всесторонне изучал себя, проверял и анализировал каждую психологическую ситуацию, и все же я далек от того, чтобы объявить свои выводы хоть сколько-нибудь окончательными или безошибочными. Но одно заявление я обязан сделать, и вот какое: мне самому мои умозаключения все же представляются верными и кажутся на данный момент конечными. Не будь они таковыми, я не смог бы руководствоваться ими в своих действиях. Однако, прежде чем сделать каждый новый шаг, я принимал или отвергал их, а затем действовал соответственно. И пока результаты моих действий полностью удовлетворяют мой разум и мое сердце, мне следует твердо придерживаться собственных выводов.

Если бы мне предстояло обсуждать здесь чисто академические принципы, то уж точно не следовало пытаться делать

* М о к ш а — философское понятие, означающее освобождение от череды рождений и смертей и слияние с Богом, спасение.

это в виде автобиографии. Но поскольку задача состоит в том, чтобы дать читателю представление о различных практических применениях моих идей, я дал главам подзаголовок: *«История моих экспериментов с истиной»*. Сюда войдут эксперименты с ненасилием, целибатом и прочими принципами поведения, которые обычно считаются далекими от истинных. Однако, с моей точки зрения, истина — это наивысший из принципов, включающий в себя множество других. Истина означает не только правдивость слов, но и правдивость мыслей; не только относительную истину наших представлений, но и абсолютную истину, вечный принцип, который есть Бог. Существует бесчисленное количество определений Бога, поскольку бесчисленны Его проявления. Они повергают все мое существо в изумление, в священный трепет и способны на какое-то мгновение ошеломить меня. Но я поклоняюсь Богу только как истине. Я все еще не обрел Его, но ищу и готов пожертвовать наиболее дорогим, чтобы достичь успеха в этих поисках. Даже если потребуется пожертвовать самой жизнью, надеюсь, что окажусь готов отдать и ее. Однако пока я не познал этой абсолютной истины, приходится придерживаться относительной истины в том виде, в каком я ее понимаю. Эта относительная истина должна на время стать моим маяком, щитом и прикрытием. Хотя этот путь слишком прям, узок и кажется острее лезвия бритвы, для меня он был самым быстрым и простым. Даже мои грубейшие ошибки, названные мною же «огромными, как Гималаи», выглядели такими незначительными, потому что я строго держался намеченного пути. Именно этот путь не позволил мне впасть в уныние, и я снова стал продвигаться вперед на свой путеводный свет. Зачастую на этом пути я видел проблески абсолютной истины, Бога, и с каждым днем все больше убеждался, что Он один реален, а все остальное нереально. Пусть же те, кто пожелает, поймут, каким образом я пришел к этому убеждению, пусть они разделят со мной плоды моих экспериментов и мои взгляды, если смогут. Я также твердо уверен в другом: все, доступное мне, доступно даже ребенку, и у меня есть все основания утверждать это. Инструменты, необходимые для поисков истины, столь же просты, насколько трудны сами поиски. Они могут показаться недоступными излишне самонадеянному человеку, но

ими сможет воспользоваться невинный ребенок. Тот, кто ищет истину, должен стать смиреннее пыли. Мир попирает пыль своими ногами, но искатель истины обязан добиться от себя такого смирения, чтобы даже сама пыль попирала его. Только тогда, и никак не прежде, узрит он проблеск истины. Диалог между Васиштхой и Вишвамित्रой* показывает это как нельзя лучше. Христианство и ислам тоже полностью принимают такую концепцию.

Если что-либо написанное мной на этих страницах покажется читателю проявлением гордыни, то он должен истолковать это как неверное направление моих поисков, а мои просветления — как миражи. Пусть сотни подобных мне сгинут ради окончательного торжества истины. Мы не имеем права даже на волосок отступать от правды, когда оцениваем действия простых смертных — таких как я.

Молюсь о том, чтобы никто не посчитал советы, в произвольном порядке помещенные в последующих главах, единственно верными. Эксперименты, о которых рассказано, должны восприниматься только в качестве примеров, чтобы каждый, познакомившись с ними, мог начать свои собственные опыты в соответствии с личными наклонностями и способностями. Хочу верить, что с этой оговоркой мои примеры окажутся действительно полезными, поскольку я не собираюсь приуменьшать значение неприглядных вещей, о которых тоже обязан рассказать. Надеюсь многое поведать читателю и о своих заблуждениях и ошибках. Моя цель — описать эксперименты в области сатяграхи, а не показать, как я хорош. В суждениях о себе я постараюсь быть столь же суровым, как сама правда, чего ожидаю и от других людей. Оценивая себя так строго, должен воскликнуть вместе с Сурдасом**:

Где еще в целом мире есть такой же мерзавец, как я?
Настолько погрязший в грехе и в пороке, чтобы тоже
Отречься от Создателя своего.
Вот до чего довело отсутствие подлинной веры***.

* Васиштха и Вишвамитра — персонажи индийского эпоса.

** Сурдас — слепой индийский поэт и певец XV—XVI вв., восхвалявший в своих стихах Кришну.

*** Здесь и далее перевод стихотворений И. Моницева.

Потому что для меня стало нескончаемой пыткой осознание, что я по-прежнему очень далек от Него — от Того, Кто, как я прекрасно понимаю, управляет каждым моим вздохом, от Того, чьим творением я являюсь. И даже зная, что это мои порочные страсти не позволяют мне приблизиться к Нему, я все еще не могу избавиться от них.

Однако пора заканчивать. Мне остается только приступить к рассказу о своей жизни уже в следующей главе.

*М. К. Ганди.
Ашрам, Сабармати,
26 ноября 1925 г.*

Часть I

1. РОЖДЕНИЕ И СЕМЬЯ

Семья Ганди принадлежит к касте банья, и, по всей видимости, когда-то ее члены были бакалейщиками. Но затем мужчины трех поколений семьи, начиная с моего деда, были премьер-министрами в нескольких княжествах Катхиявара. Уттамчанд Ганди, известный также под именем Ота Ганди, мой дед, был, вероятно, человеком принципиальным. Политические интриги вынудили его покинуть Порбандар, где он был диваном*, и искать убежища в Джунагадхе. Там он обыкновенно приветствовал наваба** левой рукой. Кто-то заметил это, посчитал неуважительным и потребовал от деда объяснений. Он отвечал так: «Моя правая рука уже принадлежит Порбандару».

Овдовев, Ота Ганди женился вновь. Имел четверых сыновей от первой жены и двоих от второй. Не думаю, что в детстве я когда-либо чувствовал или понимал, что сыновья Ота Ганди родились не от одной матери. Пятым из шести братьев был Карамчанд Ганди (или Каба Ганди, как его назвали), а шестого звали Тулсидас Ганди. Эти братья были премьер-министрами Порбандара один за другим. Мой отец, Каба Ганди, служил в раджастханском суде. Ныне этот суд упразднен, но тогда он был довольно влиятельным органом, который разрешал споры между главами и членами кланов. Каба Ганди какое-то время был премьер-министром сначала в Раджкоте, а потом в Ванканере. Он получал пенсию от раджкотского правительства до самой своей смерти.

Каба Ганди был женат четырежды, но первых трех жен забрала смерть. От первого и второго браков у него было две дочери.

* Д и в а н — титул крупного чиновника.

** Н а в а б — наместник, правитель индийской провинции.

Его последняя жена Путлибай родила ему еще одну дочь и трех сыновей, причем я стал самым младшим.

Мой отец искренне любил свой род. Он был честным, храбрым и щедрым человеком, но при этом слишком вспыльчивым. В известной степени он, видимо, охотно предавался плотским утехам, поскольку женился в четвертый раз, когда ему уже перевалило за сорок. Он слыл человеком неподкупным и приобрел хорошую репутацию в своей семье и вне нее. Его преданность государству была хорошо известна. Однажды помощник политического агента оскорбительно отозвался о такор-сахибе* Раджкота, у которого служил Каба Ганди, и мой отец выступил с ответным оскорблением. Агент разгневался и потребовал извинений. Каба отказался извиняться, за что провел под арестом несколько часов, и, лишь убедившись в негибкости духа Каба Ганди, агент отдал приказ освободить его.

Отец никогда не стремился к обогащению и оставил нам очень незначительное состояние. Никакого образования он не получил — образование ему заменил жизненный опыт. В лучшем случае он доучился до пятого класса гуджаратской школы. Истории и географии не знал совсем. Однако богатый практический опыт помогал ему разбираться в самых запутанных вопросах и управлять сотнями подчиненных. Точно так же никто не объяснял ему основ религии, но он обладал той внутренней религиозной культурой, какую многим индусам дают частые посещения храмов и слушание религиозных проповедей. В последние дни жизни он взялся за чтение «Гиты»** по настоянию брахмана, друга семьи, и ежедневно повторял вслух некоторые стихи из нее во время молитв.

Мать осталась в моей памяти как поистине святая женщина. Она была глубоко религиозна и не могла думать о еде, не помолвившись. Посещения *хавели* — храма вишнуитов — стали для нее частью ежедневных обязанностей. Я не припомню, чтобы она хотя бы раз пропустила чатурмас***. При этом мать давала са-

* Та кор - са х и б — правитель Раджкота.

** Здесь имеется в виду «Бхагавадгита» («Божественная песнь») — памятник древнеиндийской литературы, часть «Махабхараты», источник мудрости и познания для индийцев.

*** Ч а т у р м а с — буквально «четыре месяца». Четырехмесячный пост, который держат в сезон дождей.

мые тяжелые обеты и строго их соблюдала. Никакая болезнь не могла помешать ей. Помню, она заболела во время чандраяны*, но даже этот недуг не сломил ее. Два или три дня поста подряд она выдерживала с легкостью. Питаться всего лишь раз в день в период чатурмаса вошло у нее в привычку. Но и это не удовлетворяло ее. В один из чатурмасов она постилась через день. Однажды во время такого чатурмаса она решила не есть, пока не увидит солнца. В подобные дни мы — ее дети — дежурили, неотрывно глядя в небо, чтобы оповестить о появлении светила нашу маму. А ведь каждому известно, что в сезон дождей солнце вообще много дней не показывается людям. Помню, как мы, внезапно увидев солнце, мчались сообщить ей об этом, но пока она выбегала из дома, чтобы убедиться во всем самой, изменчивая погода уже прятала солнце за облаками, лишая таким образом мать возможности поесть.

— Это не имеет значения, — говорила она тогда почти весело. — Значит, Бог не захотел дать мне пищу сегодня.

И спокойно возвращалась к обычным хлопотам.

Мама умела мыслить поистине здраво. Кроме того, ее отличала прекрасная осведомленность в государственных делах, и придворные дамы высоко ценили ее ум. Зачастую я сопровождал мать, пользуясь привилегией, какую давал мне мой детский возраст, и до сих пор помню многие ее оживленные разговоры с вдовствовавшей матерью такор-сахиба.

Я родился 2 октября 1869 года в Порбандаре, известном также как Судамапури. Там и провел детство. Помню, как меня впервые привели в школу. Даже таблица умножения давалась мне не без труда. Тот факт, что о школьных годах мне не вспоминается ничего, кроме всякого рода прозвищ, которыми я вместе с другими учениками награждал преподавателей, говорит о моей неразвитости и посредственности памяти в тот момент.

2. ДЕТСТВО

Мне было около семи лет, когда мой отец покинул Порбандар и перебрался в Раджкот, чтобы стать членом раджастанского суда. Там меня отдали в начальную школу, и я до сих

* Чандраяна — тип поста, в котором количество потребляемой ежедневно пищи зависит от фаз луны (постепенно уменьшается и вновь увеличивается).

пор прекрасно помню те дни, включая даже имена и привычки преподавателей, учивших меня. Как и об учебе в Порбандаре, я едва ли найду сказать что-либо примечательное о моем образовании здесь. Вероятно, меня считали весьма посредственным учеником. Из этого учебного заведения меня перевели в пригородную школу, а затем, когда мне исполнилось двенадцать лет, — в среднюю. Не помню, чтобы я хоть однажды соврал учителям или одноклассникам. Я был крайне застенчив и избегал любых компаний, предпочитая общество учебников. Приходить в школу точно в назначенное время и убегать домой, как только занятия заканчивались, стало моей привычкой. Причем я убежал из школы в прямом смысле слова, потому что мне казалось невыносимым всякое общение. Я даже опасался, что кто-нибудь заметит это и будет надо мной подшучивать.

В первый год моего обучения в средней школе во время экзаменов произошел случай, о котором стоит упомянуть. С проверкой нагрянул мистер Джайльс, инспектор по вопросам образования. Он предложил нам написать пять слов в качестве орфографического упражнения. Одним из них было слово «котелок». Я написал его с ошибкой. Учитель исподтишка пнул меня под партой ботинком, призывая исправить ошибку, но я его не понял. До меня никак не доходило, чего он добивался, а он всего лишь хотел, чтобы я правильно списал слово с доски своего соседа. В моем представлении учителя как раз и обязаны были следить за списыванием и предотвращать его. В результате все мальчики написали эти пять слов правильно, кроме меня. Только я показал себя нерадивым учеником. Позже тот учитель попытался объяснить мне суть моего глупого поступка, но безуспешно. И я так никогда уже и не приобщился к «искусству» списывания у других.

Но этот случай несколько не умалил моего уважения к учителю. Я словно был от природы слеп к недостаткам людей старшего поколения. Позже я узнал и о многих других недостатках этого же учителя, но мое почтительное отношение к нему не изменилось, поскольку я научился исполнять приказы старших, а не анализировать правильность или неправильность их действий.

Два других случая из того же периода навсегда остались в моей памяти. Я тогда не желал читать ничего, кроме школьных учебников. Я исправно выполнял домашние задания, потому что

не любил, когда учитель отчитывал меня за леность, и не хотел обманывать его. Мне кажется, я усваивал содержание урока, но зачастую не прилагал достаточно умственных усилий. А если даже основные уроки я не мог вызубрить как следует, то что тут говорить о дополнительном чтении. Но однажды мне на глаза попала книга, приобретенная отцом. Это была «Шравана Питрибакти Натака» (пьеса о преданности Шравана своим родителям). Я прочитал ее с глубочайшим интересом. Примерно тогда же в наши края приехала труппа бродячих актеров. Мне довелось посмотреть сценку, в которой Шраван нес в корзинах на ремнях, переброшенных через плечи, своих слепых родителей к святым местам. Книга и сценка в исполнении актеров произвели на меня неизгладимое впечатление. «Вот пример, которому следует подражать», — сказал я себе. Вид родителей, горько и отчаянно оплакивающих смерть Шравана, все еще жив в моей памяти. Потрясающая мелодия из спектакля до такой степени тронула мою душу, что я стал играть ее на концертино, купленном мне отцом.

Аналогичный эпизод был связан с другой пьесой. Вскоре после вышеописанного случая я получил разрешение родителей посмотреть спектакль в исполнении одного драматического коллектива. Постановка «Харишчандры»* тоже покорила меня. Я мог бы без усталости смотреть спектакль много раз подряд, но, разумеется, мне никто не позволил бы постоянно посещать театр. Вот только мысль о нем преследовала меня, и тогда я в одиночестве разыгрывал роль Харишчандры снова и снова. «Почему все люди не могут быть такими же правдивыми, как Харишчандра?» Этим вопросом я задавался день и ночь. Следовать истине и пройти через все испытания, выпавшие на долю Харишчандры, — так я сформулировал свою задачу. Я всерьез воспринимал историю Харишчандры как нечто происшедшее на самом деле. Мысли о нем часто вызвали у меня слезы. Теперь здравый смысл подсказывает мне, что Харишчандра никак не мог быть историческим лицом. Однако и он, и Шравана до сих пор настолько реальны для меня, что я уверен — я буду тронут, как и прежде, если перечитаю эти пьесы.

* Харишчандра — царь Солнечной династии, добродетельный и щедрый правитель, персонаж индийской мифологии.